

Zamanizm Kalygul conception hypothesis
Жапаров Д.
Гипотеза о концепции заманизма Калыгула
Жапаров Д.

*Жапаров Дурболон / Japarov Durbolon - кандидат философских наук, профессор,
Кыргызский государственный университет культуры и искусства имени Б. Бейшеналиевой,
Президент Общественной Академии ученых Кыргызской Республики,
г. Бишкек, Кыргызская Республика*

Аннотация: статья посвящена философским взглядам Калыгула, кыргызского философа, неординарные концепции которого до сих пор остаются невостребованными и нераскрытыми. Калыгул ошибочно предполагал крушение мироздания, которое якобы уже наступает на пятки.

Abstract: the article is devoted to the philosophical views of Caligula, Kyrgyz philosopher extraordinary concept which still remain unclaimed and unsolved. Kalygul mistakenly assumed about the collapse of the universe, which supposedly is already on the heels.

Ключевые слова: философия, культура, цивилизация, народ, этнос, идеология, равновесия, мировоззрения

Keywords: philosophy, culture, civilization, nation, ethnic group, ideology, balance, outlook

УДК 10* 130

Интуитивное безумие гениальности Калыгула, предвидевшего крушение веками складывавшихся морально-душевных абсолютов кыргызов, находясь еще по ту сторону надвигающихся социальных потрясений и духовных смещений, опередило не одну эпоху, установив наличие конфликта между культурно-религиозными ценностями народов разнополюсного духовного ареала.

Он является первым кыргызским социологом, обратившим внимание интеллигенции XIX века на коренные социальные изменения в номадическом обществе. Калыгул одним из первых кыргызских мыслителей XIX века предвосхитил существование номадических ценностей, разрушение равновесия которых влечет за собой бифуркацию.

Он создал новую концепцию под названием «заманизм». Это концепция по сути дела заложила основу фундамента для существования номадической социологии в современном мире. Калыгул и его последователи Арстанбек, Молдо Кылыч, Алдаш Молдо сумели построить художественную модель трагизма судьбы кочевого народа, мятущегося в поисках собственного «я» в системе ценностей, абсолютно противоположных по своему культурно-религиозному нравственно-этическому содержанию, да еще навязанных извне в целях ускорения цивилизации «дикочаменных кыргызов» (Ч. Валиханов)¹.

Калыгул предупреждал своих современников-соплеменников, что настоящая эпоха - эпоха разрушения, которая перевернет вверх дном их сознание, образ жизни, обезличит неповторимый, своеобразный мир духовности кочевников.

Жизнь этноса, по Калыгулу, протекает хаотично, беспорядочно ("Эл турмушу эрте-кеч, Кумурсканын уясындай, Ары коч да бери коч") [1]. Она по законам случайностей, которые, можно сказать, развивая мысль провидца, часто убыстряют бег или направляют жизнь этноса в совершенно другое русло развития. В этом хаосе, продолжает мыслитель, этнос сам находит тот «порядок», который ему нужен ("Карап турсаң өз-өзүнөн, жөнгө келет акырын) [2] и который выражает основной императив отношения кыргызов к жизни – человек полагает, а жизнь располагает (ойлогон ойду кыстаган турмуш женет).

Затем этнос свой выбор осмысливает, выявляет на его основе какие-то закономерности для самоупорядочения хаотичности движения национального бытия. Однако жизнь этноса сама по себе независима от этноса. Наоборот, этнос приспосабливается к ней, стараясь придать форму, адекватную собственной природе.

Диалектику взаимоперехода хаоса в порядок или обратно Калыгул объясняет тем, что порядок постоянно присутствует ("Ирет менен иретсиз, эриш-аркак турбайбы, Бирин бири жоготуп, тез табышат турбайбы, Иренжитсе иретсиз, иретти андан табарсыз"...) в самом хаосе [3].

Калыгул полагает, что сама жизнь есть хаос. Ибо хаос бесконечен, представляет собой ничем не отягощенную жизнь этноса, который вечно стремится к порядку, так как самореализация хаоса возможна только через порядок, поэтому Калыгул думал, что порядок заложен в самом хаосе. Но в этом хаосе

---

¹ Заманизм (заман-эпоха, -изм-учения)- учение о социальных изменениях, которые могут привести к крушению, наступлению конца света. Учение об эсхатологии.

жизни каждый придерживается своего берега, старается быть независимым, время хочет выйти из общей цепи целого, ибо жизнь есть непрерывный сплошной поток текучего, который по своей инерции уносит человека все дальше и создавая ему психологические «неудобства» неволи.

Концепция заманизма Калыгула – пример трагической неостребованности временем тех идей, содержательная основа которых осознается лишь в конце века. Однако, к сожалению, духовное наследие Калыгула до сих пор не собрано полностью, не систематизировано в идейно-теоретическом плане. Отсюда возникает непреодолимая трудность в определении его целостного философского мировоззрения и вклада в кыргызскую философию и художественную литературу.

Исследователям духовного наследия Калыгула, прежде всего, необходимо установить философскую основу заманизма как нового идейно-теоретического направления в кыргызской философии, определить историко-культурную связь Калыгула и его последователей с общественно-политической мыслью народов Центральной Азии, а также степень их взаимовлияния.

Изучение творчества Калыгула закономерно предполагает выяснение природы и особенностей кыргызской философии в духовном ареале народов Центральной Азии. Дело в том, что исследование концепций Калыгула и его последователей в отрыве от истории развития духовных ценностей народов Центральной Азии может привести к их односторонней интерпретации.

В основе кыргызской философии лежит номадическое миропонимание. Философские взгляды кыргызов сложились под влиянием суровых климатических условий кочевого образа жизни, под влиянием постоянного страха быть поработанным, сгинуть в стихии родо-племенных распрей. Это была философия мировоззрения и морали, породившая идеологию надежды и отчуждения.

Калыгул прекрасно понимал трагичность судьбы маленького этноса, который вечно закомплексован, мудр и отчужден от самого себя. Для того чтобы взорвать изнутри эту обреченность, обусловленную собственной историей и философией существования, народу всегда не хватало духа Манаса. Быть может, поэтому основу кыргызской жизненной философии составляет идеология надежды.

Любой кыргыз, не задумываясь, даже лежа на смертном одре, справляющемуся о его здоровье на вопрос, как он себя чувствует, отвечает: «Хорошо». Это – чувство безысходности, признание собственного бессилия перед неизвестным, а точнее, просто лень ему сказать правду. Лень сильнее смерти и судьбы кыргыза. Она сродни надежде. Мудрость, надежда и лень адекватны, они подпитывают друг друга в самосознании кыргыза.

Калыгул не воспринимает идеологию надежды, ибо она всегда несбыточна, она - символ интеллектуальной лени, безысходности и равнодушия. Вместе с тем данное обстоятельство не исключает того, что взгляды Калыгула остаются частью кыргызской философии. Но оно помогло ему повернуть абстрактную надежду своего народа лицом к приближающимся суровым социальным испытаниям, потрясти основы номадической философии кыргызов, произвести ее переориентацию на новую социальную действительность.

Следует оговориться, что кыргызская философия как знание еще не оформилась, к этой стадии развития она еще будет подходить.

Отчасти прав был Г. Г. Шпет, когда писал: «Философия приобретает национальный характер не в ответах – научный ответ, действительно, для всех народов и языков один, - а в самой постановке вопросов, в подборе их, в частных модификациях. Интерес и отношение к той или иной проблеме, к той или иной стороне в ней носят местный, народный, временный характер, а никак не идеальные форма и содержание проблем. Только в таком смысле, можно говорить о национальной, науке, иначе, т.е. самое решение научных вопросов – все равно, философских, математических или кристаллографических, – по национальным вкусам, склонностям и настроениям ничего именно научного в себе не сохраняло бы» [4].

Действительно, философия как чисто научное знание (как полагает Г. Г. Шпет) перешагивает границы национального мышления, и с этого момента вступают в свои права логические формы познавательной способности человеческого разума, лишив его конкретного содержания и национальных форм проявления. Если сказать правду, то философия такими выдающимися западными мыслителями, как, например, Кант («Философия есть система рациональных знаний из понятий» – «благодаря ей науки впервые только и получают порядок и связь») [5], Гегель («Философия начинается там, где всеобщее понимается как всеобъемлющее сущее; или, иначе говоря, там, где сущее постигается всеобщим образом, где выступает мышление...») [6] и другие, была возведена в абсолютное знание, в чем признаются они сами и в результате чего философия была обескровлена и оторвана от живой жизни. Казалось бы, философия в отличие от естественных наук должна еще оставаться мировоззрением того или иного народа. «Научная» философия (*европейская* сказали бы мы здесь - Ж.Д.) есть отрицание философии, - писал Н. Бердяев, отрицание ее первородства. В основе философии лежит опыт человеческого существования в его полноте. В этом опыте нельзя отделить жизнь интеллектуальную от жизни эмоциональной и волевой [7].

Как бы там ни было, европейская философия как чистое знание возникла на руинах «восточной мудрости, всяческих сказок, сказаний и мифов» (Г. Г. Шпет), объявив себя владыкой разума. Она

изначально от самого своего рождения была заражена сциентизмом, тем самым противопоставив себя религии, сознательно лишившись в ее лице испокон веков питавшего себя источника. Европейская философия даже кичится тем, что она сначала вытеснила религию на задворки сознания, а затем совсем выдавила ее оттуда. На самом деле это не так. По мнению Бердяева, вся греческая философия была связана с религиозной жизнью греков, а «средневековая философия сознательно хотела быть христианской. Но религиозные основы можно найти у Декарта, Спинозы, Лейбница, Беркли, конечно, в немецком идеализме. Я даже склонен думать, – продолжает он, – как ни парадоксально это на первый взгляд, что философия нового времени более христианская, чем схоластическая средневековая философия» [8]. Отсюда напрашивается вывод, что европейская философия, которая содержит в себе христианскую религию, внедряя в сознание различных народов мира свои ценности, на самом деле внедряет свою идеологию.

Современный Запад все усиленнее насаждает в исламских государствах переход к христианской (по историческим и культурным корням) модели демократии, что вызывает во всем мире растущее неприятие. Автоматическое перенесение западных стандартов образа жизни, соответствующих ценностей на мусульманскую почву в современном мире напоминает ситуацию, которая имела место в кыргызском обществе в начале XIX века.

Смысл концепции заманизма Калыгула заключается именно в том, что любой народ создает присущую только ему социально-культурную среду, в которой он чувствует себя без психологического комплекса, удобно, получает абсолютную свободу (если она существует) самоидентификации и самовыражения. Изменение, тем более ее насильственное «искривление», подрывает психологическую и ценностную основу существования народа. В этой ситуации страх за свое существование, которым сопровождается жизнь этноса, постоянно пробуждает в нем чувство самосохранения в форме возмущений, недоверия и подозрительности. Именно страх за существование своего этноса побудил заманистов заявить, что отберет русский твою землю и сломает твой хребет ("Орус алат жеринди, сындырат сенин белинди"), из Алматы идут русские, травы скашивают, поля огораживают ("Алматыдан аттаньп, орус келе жатыр ай! Узун чөптүн баарысын коруп келе жатыр ай! Кыска чөптүн баарысын коруп келе жатыр ай!") [9].

Акыны-заманисты принимали вызов исторической альтернативы, ибо перед вчерашним кочевым народом в начале XIX века встал вопрос; как вписаться в контекст культур оседлых, значительно развитых народов-соседей, в окружении которых ему придется жить в дальнейшем и которые отличаются культурно-религиозными и социально-политическими особенностями? Каков путь к трансформации всего кочевого уклада жизни в оседлый с наименьшими потерями? Такая способность кыргызскому народу а priori была не дана. Его социально-экономический уклад (феодально-патриархальный) не содержал в себе адекватных ответов на вызовы новой социальной действительности, навязанной царской Россией, из добрых намерений.

На этом историческом распутье низкий уровень философского самосознания кыргызов, как ни парадоксально, послужил причиной развития и того, что концепция заманизма Калыгула переросла в целое художественно-философское направление. Следовательно, заманизм как художественно-философское направление возник на фоне вышеназванных социально-политических и культурных обстоятельств и сумел как-то высветить негативные социальные изменения, происходившие в результате колонизаторской политики царской России. Заманизм как художественно-философское направление в кыргызской общественной мысли XIX века, выразил себя в идеях, слагаемыми которых являются:

- неприятие социального насилия в форме русификации;
- противодействие искусственной трансплантации чужой культуры на аборигенную почву и разрушению структуры духовных ценностей малых народов;
- соблюдение этнического равновесия;
- сохранение незыблемости морально-этических основ феодально-патриархального кыргызского общества; развитие как круговорот; сдерживание изменения;
- осуждение отчуждения от национальных ценностей и др.

Думается, что исследование наследия заманистов должно проводиться через призму природы восточных философских ценностей, а не с точки зрения европейской философской традиции.

Научный инструментарий, разработанный западными философами, вовсе не соответствует природе духовных ценностей кочевых народов. Поэтому данный факт должен побудить большой интерес местных ученых к разработке совершенно новой методологии их изучения и адекватно соответствующей им категориальной базы.

Калыгул - также родоначальник философии кочевого народа. Поэтому его надо воспринимать через менталитет того народа, к которому он принадлежит. Как только наше восприятие его выходит за границы содержания духовных ценностей кыргызов, Калыгул перестает существовать как мыслитель. Он живет, оказывает влияние на умы современных кыргызов только в рамках национальных ценностей.

Нельзя его называть «философом» на западный манер, это слишком условно. Он был великим провидцем-мыслителем, предвосхитившим свою эпоху.

Провидец-мыслитель – это то же самое, что и философ, только с позиции общественно-политической мысли кыргызов.

Мы не можем отказать Калыгулу в мощи философской абстракции лишь потому, что он не оперировал категориями западной философии и не создал философской системы.

По этому поводу русский философ А. Ф. Лосев в свое время задавался вопросом разве познание возможно только в сфере мышления? И он же писал, что «вся русская философия являет собой до-логическую, до-систематическую или, лучше сказали бы сверх-логическую, сверх-систематическую картину философских течений и направлений» [10]. Далее известный философ, размышляя о сущности русской философии, причину отсутствия философских систем в России видит «во внутреннем строении русского философского мышления» [11].

В контексте этих высказываний А. Ф. Лосева можно предположить, «что философии Калыгула тоже «чуждо стремление к абстрактной, чисто интеллектуальной систематизации взглядов» [12], как и кыргызской философии в целом. Поэтому Калыгул создал прежде всего художественную модель той разрушительной эпохи, в которую предстояло жить его соплеменникам. И он же ошибся в том, что новая эпоха ("акыр заман"), эпоха вторжения европейской культуры в мир кочевой цивилизации, вызвала дисбаланс, разрушила равновесие ритма жизнебытия, одномерного кочевого образа жизни кыргызов.

Калыгул лишь эмпирически установил вечную борьбу и наличие конфликта национальных ценностей, отличающихся по историческим и религиозным корням.

По Калыгулу, в каждой вещи пребывает то, что постоянно, устойчиво, то продлевает жизнь этой вещи, что непреходяще, вечно. Эту мысль Калыгул выразив в изящной стихотворной форме: "Бетеге кетип, бел калат, бектер кетип эл калат («Растительность, которая всходит на холме, уходит, а холм остается, беки-чинуши временны, одни уходят, другие приходят, вечен только народ»). Это означает, что существует некий закон, который уравнивает все. Именно закон равновесия, по Калыгулу, правит миром, где на место уходящего приходит другое, тоже временное, сыпучее. Итак, сама жизнь построена на вечном круговороте. Именно Калыгул явился автором идеи духовных катаклизмов кочевых народов в условиях новой, «чужеродной» для них эпохи - эпохи цивилизации.

Его встревожило, подобно Платону, само изменение, которое может привести к нарушению этнического равновесия, к уничтожению традиционного родоплеменного через разрушение. Он выступил прежде всего, против трансплантации чуждой для его народа русской культуры на аборигенную почву? Русская культура мощным потоком заливала духовное пространство народов Центральной Азии, в том числе вчерашних кочевников - кыргызов и казахов. Однако «кривизна»" духовного гумуса каждого из них в результате «напора»" более развитой и противоположной по природе русской культуры имела индивидуально-исторический характер. Вследствие давления русской культуры временной горизонт восприятия мира кыргызов и казахов расширился, он гносеологически разорвал пути родоплеменной заскорузлости, однако очень легко, без особого сопротивления, с каждым годом сдавали они свои духовные позиции в обмен в «чуждые» своим предкам ценности.

Всем известно, что конь, особенно для кочевника, есть высшее благо. Кроме того, конь еще является символом номадического образа жизни в представлении кыргыза-кочевника. Калыгул бьет в колокол, предупреждая о том, что корова станет общезначимой ценностью ("уй пул болоор"), ведь это для кыргызов кошунственно; раб станет народовластителем ("кул бий болоор"); люди, не имеющие высокого социального статуса и образования, будут управлять обществом ("Аяк адам баш болоор"), а уважаемые и почитаемые по своему статусу люди будут унижены ("Баш адамдар пас болоор"), - горюет он [11].

По мнению Калыгула, предполагаемые им социальные изменения неизбежны, ибо они привносятся извне, насильно. Он не защищает прошлое – оно ему близко и понятно. Он протестует против социального насилия, которое нависало над судьбой его народа.

Слово «русское» в сознании Калыгула ассоциируется с понятием «цивилизация». Поэтому с приходом русских, по его мнению, не только некогда насыщенные травостоем горы облысеют, но и степь, существовавшая испокон веков как степь, что воспринималось кочевником-кыргызом как должное, может превратиться в леса ("Тоо токол болоор, талаа токой болоор"); не останется ни одной пяди земли, не засеянной хлебом ("кара жердин бетине, аштык чыкпай, жер калбайт"), наступит время, когда не будет конца работе (Кылса жумуш бүтпөгөн, күн кыскарган бир заман)...[14].

Логика Калыгула такова: цивилизация выбивает из седла само равновесие кочевой жизни, что порождает новые стандарты морально-этических реалий, противоположных традиционным устоям кыргызов. Он создал художественную модель изменения поведения людей в эпоху крушения: настанет день, говорит Калыгул, когда ястреб будет вить гнездо на тальнике ("кызыл, кызыл кыялар, кыргый талга уялар"), когда девушка с тубетейкой в руке будет бегать за джигитом ("такыясын колго алып, кыз жигитти кубалаар") [15], сын перестанет слушать отца ("Атасынын сөзүнө, бала кулак көп салбайт, атанын тилин бала албайт"), потому что они будут носителями различных ценностей. Придет время,

размышляет Калыгул далее, когда мусульманство потеряет свое влияние, перестанут люди поститься, совершать молитвы ("Молдо жоголуп, дин кыскарган бир заман, орозо-намаз окубай, тил (дин) кыскарган бир заман, ошол жакшы биз жаман, өтүп барат бир заман"), и это время будет восхваляться, мы тогда будем выглядеть жалкими, ненужными, а наша эпоха уйдет незаметно...[16].

Действительно, разрушение равновесия этнической жизни раздваивает сознание людей, порождает психологию приспособленчества к новым, ранее неизвестным условиям жизни, человек зависает между двумя ценностями. Культура кочевого народа теряет свою актуальность.

Цивилизованное общество на европейский манер, где господствует рационализм, где работают совершенно иные ценности принимаются за норму, а духовные ценности, традиции и обычаи кочевого народа воспринимаются новым поколением как табу, как пережиток прошлого на фоне более высокой культуры, которая раскрепощает личность человека, развивает его сравнительное сознание. Чтобы выжить в новом обществе, где им предстояло вести оседлый образ жизни, вчерашние кочевники должны были приобрести новые мироощущение, жизнепонимание и даже идеологию.

Величие Калыгула в том, что он сумел интуитивно предположить наличие равновесия, которое обеспечивает покой и стабильность, качественную определенность и самоидентификацию этноса. Этническое равновесие Калыгула предполагает стабильное состояние покоя, которое обеспечивается воздействием равных, противоположно направленных и потому взаимно уничтожающих друг друга тенденций - постоянства и перемен, вечного и текучего, временного.

Все предопределено, неумолим закон равновесия жизни, согласно которому независимость в условиях взаимозависимости явлений как в природе, так и в обществе постоянно реанимирует их зависимость, которая воспринимается Калыгулом как некая объективная сила. Он подчеркивает, что голубь полетит куш угодно, если узнает о корме ("Көгүчкөн учаар жем чыкса"), черная птица живет для желудка ("Кара куш карайт кардына"), синий иноходец разбежится, если его расшибет пот ("Көк тулпар чуркаар тер чыкса"), успокоится народ, если появится батыр, который сможет его защитить (Көнүл тынаар көпчүлүк, көзгө токтоор эр чыкса"). Идея равновесия существует, по Калыгулу, в самих вещах и явлениях, поскольку караван не может идти дальше, если он натолкнется на препятствие недостижимое человеческим взором ("Кеч жүрө албай токтолот, көз учкан бийик бел чыкса"), сношеницы не могут не подсиживать друг друга ("Аңдышпай койбойт абысын"), белый криклет рыщет в поисках добычи ("Ак шумкар карайт чабытын"), умелый скотокрад не может не взглянуть в сторону холмистой горы с ложбинами ("Аларман ууру көз салаар, адырмак тоонун жыбытын") [17]. А зависимость сам! есть такое начало, которое обеспечивает порядок из беспорядка.

Правда, мироощущение Калыгула не имеет определенной философской системы, но оно выражает философию чистых событий и эмпирической фактологии» Философия наличного этнобытия Калыгула ближе к сегодняшним проблемам человечества, чем философские конструкты Платона или Гегеля.

Разве теория этнического равновесия Калыгула не предвещала столкновения цивилизаций раньше, чем современный американский ученый и общественный деятель С. Хантингтон? Ведь отсутствие культурно-религиозного родства является основой этнических конфликтов.

Любой большой народ, подобно отдельному интеллектуально развитому человеку, который еще и наделен властью и необходимыми возможностями, страдает великодержавием, чувством превосходства. Он поработает малые народы прежде всего духовно, посредством раздвоения его сознания, методом дисбаланса и психологического дискомфорта в результате внедрения в него своих духовных ценностей. Россия тоже всегда была и есть держава с мессианской психологией, о чем много писали представители русской философской мысли всех времен. Концепция Калыгула возникла как эмоционально-психологическая реакция на проявление этноприроды русской нации как великодержавной. Великодержавие как черта большого этноса ведет к нивелировке, однообразию, постоянно мешая представителям малых народов определить свою идентичность, порождает среди них маргинальную личность.

Проблема этнического равновесия, которая освещается Калыгулом в его произведениях как наступление апокалипсиса или конца света ("акыр заман» убедительно обоснована С.Хантингтоном в его концепции столкновений цивилизаций.

По его мнению, «после окончания «холодной войны» культура и объединяет, и разделяет. Люди, разделенные идеологией, но объединенные культурой, соединяются - так произошло с двумя Германиями и так начинает происходить с обоими корейскими государствами и несколькими китайскими. Те общества, которые объединились в силу идеологических или исторических причин, но разделены цивилизованно, либо распадаются, как произошло с Советским Союзом, Югославией, Боснией-Герцеговиной и Эфиопией, либо испытывают огромное напряжение, как, например, на Украине, в Казахстане, в Нигерии, Судане, Индии. Шри Ланке и многих других государствах, включая, возможно, и Российскую Федерацию» [18].

Можно согласиться с автором в случае, если он имеет в виду тот факт, что нарушение этнического равновесия в этих государствах привело и в дальнейшем может усилить процесс размежевания

человечества сугубо по типам традиционных культур. Во всех остальных случаях различные исторические типы культур могут сосуществовать и взаимодополнять друг друга, ибо каждый в отдельности обречен на погибель. Жизнь всегда движется от многообразия к однообразию, и обратно. Когда одна из этих форм движения начинает перевешивать другую, начинается обратный процесс. Поэтому мысль Калыгула о существовании закона равновесия как в природе, так и в обществе остается одной из приоритетных для социальных наук.

Литература

1. Личный архив автора статьи. № 21. Здесь использованы стихи Калыгула, записанные им из уст безвестного манасчи Азиза, отца ныне широко известного манасчи Шаабая, а также других - аксакалов-аборигенов Иссык-Кульской, Нарынской областей.
2. Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии. // А. И. Введенский, А. Ф. Лосев, Э. Л. Радлов, Г. Г. Шпет Очерки истории русской философии. Свердловск: Изд-во Урал. Университета, 1991. С. 218-219.
3. Кант И. Логика: Трактаты и письма. М., 1980. С. 331.
4. Гегель. Отношение философии к другим областям. // Соч. Т. IX. Лекции по истории философии. Книга первая. Санкт-Петербург: Наука, 1994. С. 142, 143.
5. Бердяев Н. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения. // Философия свободного духа. М., 1994. С. 238.
6. Бердяев Н. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения. // Философия свободного духа. М., 1994. С. 38.
7. Арстанбек. Тар заман // Кыргызстан маданияты, 1989. 14 сент.
8. Лосев А. Ф. Русская философия. // Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г. Очерки истории русской философии. Свердловск: Изд-во Урал. университета, 1991. С. 67.
9. Лосев А. Ф. Русская философия. // Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г. Очерки истории русской философии. Свердловск: Изд-во Урал. университета, 1991. С.66.
10. Лосев А. Ф. Русская философия. // Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г. Очерки истории русской философии. Свердловск: Изд-во Урал. университета, 1991. С. 67.
11. Калыгул. Калыгулдун сөзү // Мурас. Фрунзе: Кыргызстан. С. 22.
12. Калыгулдун сөзү // Мурас. Фрунзе: Кыргызстан. С. 22.
13. Калыгул. Насият, санат ырлары // Мурас. Фрунзе: Кыргызстан. С. 29-30.
14. Калыгул. Калыгулдун сөзү // Мурас. Фрунзе: Кыргызстан. С. 21.
15. Калыгул. Калыгулдун сөзү // Мурас. Фрунзе: Кыргызстан. С. 21.
16. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и что оно может означать для России. // Общественные науки и современность, 1995. № 3. С. 133.
17. Сегизбаев О. А. Казахская философия XV начала XX века. Алма-Аты: Гылым, 1996.